

Расставить ноги на ширине плеч, взять мяч в обе руки, поднять на головой, чуть завести за спину и со всей дури ударить об пол. Затем наблюдать. Как мяч вертикально отскакивает от лакового паркета и прямым ударом в зубы бьет белый плафон, висящий под потолком. Восемь плафонов. Восемь подряд плафонов. Он таким образом расколотил.

Столько раз слова «Подонки!» я никогда не слышал. Круглый ершик желтых волос Славки подпрыгивал от оплеух.

Сереже дали пинка. Смачного и до слез обидного.

– Да вас убить мало! – лютовал физрук, спортсмен и баскетболист, Хлыщ, как мы его звали за огромный рост и тонкие плети рук и ног.

Тер задницу, больно. Славка ловил еще одного леща. Хлыщ лютовал, хорошо историк Игорь Васильевич нас забрал, чтобы вручить классной, нашей суровой матери.

А плафоны смачно брызгали тонким стеклом! Беспомощные, как будто удивлялись после каждого удара – как же так – их, небожителей, достали каким-то мячом!

Дзынь, пщщщ и – блям-лям-лям, тинь-тинь-тиннннь – рассыпались осколки по коридору. И сверху же по осколкам-косточкам делови-

то скакал мячик. Крошил остатки в мелкую труху. Славка мячик ловил и снова с силой втыкал в паркет – его очередь!

Еще один беззащитный плафон взрывался, как пенная волна о паркет:

– Дзынь, пщщщщщщщ...

Потом был поднос. Экраноплан. Ковер-самолет. Все сразу. Потому что Сереге и Славику одновременно пришла идея то ли физического, то ли мистического эксперимента. Теоретическая база определялась без должной высокой точности.

Итак, что будет, если сбросить поднос с компотом с третьего этажа школы?!

Вопрос играл на их лицах нездоровым задором. Он будоражил. Вибрировал в мальчишеских жилах. Истязал.

Как и любой взрослый, Сергей Сергеевич жалел об уходящей поездом жизни, понимая, что никогда больше не задаваться ему такими сложными, искрометными и непроходимо тупыми вопросами.

Тебе никогда не быть больше столь отчаянным идиотом, говорил внутренний голос и добавлял: ты рос таким безумным ребенком, а стал таким бессмысленным салом за сорок лет, что мне стыдно, нам стыдно! Нам – это всем, кто населяет тесную комнату с табличкой «Сергей Сергеевич».

– Может, не надо?

– Серый, ты дурак? На хрена мы его тогда сперли?

Сильный довод. Особенно когда на руках ухмыляющегося Славы качается ярко-красный поднос, сплошь уставленный стаканами компота из кураги, и редкие плавающие ягодки испуганно выглядывают из прозрачных колодцев.

Славкина рожа-пирожок излучала счастье, Серегин кругляш с круглыми глазами – торжественное предвкушение.

Поднос улетел в окно буднично и как-то слишком стремительно, чтобы насладиться процессом в полной мере. Но удовольствие все равно огромное, можно сказать, злорадство – особенно когда в полете с палубы падающего подноса начали разбегаться аристократические стаканы. Как ферзи и короли с шахматной доски.

Разбились далеко не все. Это открытие поразило Серегу. С третьего этажа! И есть выжившие...

Поднос в полете даже не перевернулся. Летел ровно.

А вот лысина учителя физики и завуча школы Григория Борисовича Бинкевича, очень лысого и очень рыжего, полыхала красным так, словно ее сначала натерли порохом, а потом подожгли.

– Кто это сделал?!

– Лучше сознайтесь сами.

– Я все равно узнаю, и будет хуже.

– Я считаю до трех.

Бинкевич, или, как мы его звали, ГриБор, знал толк в физике страха внутри мелких килек школьников. Рассчитал безошибочно.

Серега встал из-за парты и, вставая, будто почувствовал ветер, настолько резко вскочил. И почувствовал внезапно переполнившую его гордость, отвагу, геройство – даже вскинул голову, вверх и чуть наискось, как военные на параде.

– Готов понести ответственность, Григорий Борисович!

Возникшая в классе пауза мгновенно стянула детей крепкой стальной паутиной оцепенения.

Сережу класс зауважал, его статус, бесстрашного и прямого, возник и закрепился навсегда.

И девчонки, конечно. Колыхалась на доньшках крохотных розовых сердечек гордость за одноклассника. Гордость плюс нежность плюс жалость. По неизвестному науке рецепту зелья, которое варится на миниатюрных химических заводах внутри каждой, без исключения, девочки.

ГриБор схватил его за плечо, вывел из-за парты.

– Ну-ка, пошли со мной. Понесешь-понесешь. И возместишь. И с родителями поговорим. Лидия Алексеевна, продолжайте урок. У меня все.

Плафоны и поднос были, конечно, еще цветочки.

Из всего кошмара, длившегося полгода и больше, Сережа лучше всего запомнит набор картонных закладок с изображением Брюса Ли.

Будто жареный, сухой, вечно кричащий обезумевшей кошкой мастер кунг-фу даже на тысячу раз перезаписанных видеокассетах едва не выпрыгивал из экрана! Узкое лицо рассекало воздух, черные волосы съедали челкой половину лба, умные и злые глаза сверкали от взмахов рук... Книжные закладки. На них он, герой детства. Невозможно представить в СССР, но и в перестройку невиданная роскошь.

Тем более их подарил отец.

Картонные. Светло-зеленые.

Подарил, приехав из командировки. Сыну. Счастливый – счастливо-му. И обнял, и расцеловал. Как же трогательно! Папа!

А через полчаса папа бил сына руками и ногами. Закладки валялись мятые, в слюне и крови. Ногами попадало по голове. Сильно попадало, до фиолетовых синяков.

Била Сережу даже мать, но на этот раз били его за дело. Потому сопротивлялся и защищался мало. Потому и болело долго.

Поднос был цветочками, закладки запомнились ягодками.

Дважды Серега поджигал школу.

Оба раза походили друг на друга. Будто школа звала и требовала, чтобы ее сожгли, уничтожили. К чертям собачьим.

– Оставь! Оставь! – говорил Серега.

Слава замер, согнувшись у батареи. Морда пирожком подрагивала от переизбытка хитрости.

– Серьезно говорю, оставь.

Слава чуть разогнулся, но не полностью.

– Ну.

Слава хитро посмотрел из под валиков бровей.

– Оставляй, слышь, я тебе сказал. – произнес Серега настолько жестко, как только умел.

– Отвечаешь? – подмигнул Славик.

– Отвечаю. – круто повернул сюжет своей школьной жизни Серж.

Слава спокойно вынул руку из-за батареи и отошел. Сережа стоял рядом. Два семиклассника, маленькие худенькие фигурки. Пялились на батарею как заколдованные.

– Вот за это свое «оставляй» и пойдешь на педсовет. Вплоть до исключения. А ты думал? – Серафима Львовна развернулась, как бы описав задом полукруг, и встала у кресла, – А ты чем думал, когда вы поджигали, а? А? Молчишь? Говори! Я с кем разговариваю?!

Директор первой Серегиной школы Серафима Львовна напоминала круизный лайнер, выдающаяся носовая часть уравновешивалась округлой массивной кормой, и все это вместе с животиком и горбинкой холки перетягивалось тесным серым платьем. Лицо ее украшал большой, прямой, рубленый нос.

– Исключение – это еще самое мягкое. Тут как бы до колонии дело не дошло. Сергеев! Ты это понимаешь?!

И она села, шумно выдавив воздух из кожаного кресла – пуффф!

Сережа стоял тупо, мертво, оперевшись взглядом вниз и вдаль, куда-то по диагонали. Чувствовал ровно то, что чувствует дерево, спиленное, но еще висящее на ветвях кроны.

Одно радуется – чем-то это закончится.

Когда Славик убрал руку, из-за батареи повалил дым, белый, подбитый снизу черным, а затем быстро выпорхнуло пламя, затанцевало бронзовыми языками. Не прошло и пары минут, как Славка бросил за батарею спичку, а Серега запретил тушить вспыхнувший спрятанный там дневник.

Дневник на стол! Ой, извините, Ирина Васильевна, я его дома забыл... Дома, ага! За батареей этот дом!

Пожар! Пожар! Горим! Горим! Взрослые заметались в панике, когда дым уже шел по всему этажу и непонятно, откуда он валит, что горело.

Учителя начали выводить классы. Все заметались. Дети закричали, заплакали. Вечно розовая морда Славки вытянулась и стала серой. Выпученные глаза Сереги забегали, будто в них вода кипела.

Кто-то из детей упал и отчаянно заревел. Завопил учитель. Весь третий этаж заволокло дымом. Кругом крики, грохот.

– Куда побежал? Вызвали пожарную? Бегите! Там, нет, там выход!..

– Нужна скорая! Звоните ноль три! Быстро! Быстро!

– Запасной там! Там! Вверх по лестнице!

– Запасной не работает, закрыт!

– Господи! Кто здесь? Кто?!

Запоздало сработала хриплая сирена, старая, советская, но громкая. Прибежал физрук, хватал детей за руки и швырял на лестницу. Те орали.

Молодая учительница заплакала и села на пол – над ней загустевали слои дыма.

Хлопали двери классов. Дым повалил сильнее. Крики слились с плачем, шаги бегущих схлопнулись в единый грохот и стали неразличимы.

– А вы что здесь делаете? Ну ка валите на хрен отсюда!

Физрук Хлыщ зарядил Славке пинка. Тот подскочил, будто его разбудили, взял Серегу за руку и рванул к лестнице. Движения быстрые, судорожные, как на ускоренной перемотке.

Сшибли на лестнице девочку. Подняли, Славка обнял и потащил ее под мышкой, как мешок.

Внизу в коридоре дым. Но дышать еще можно. Серега пошел вперед, тыча растопыренными пальцами рук в стены.

Пару раз спотыкался и чуть не падал, но его ловил Славик, как будто он старший.

Внизу едва не налетели на громадные алые топоры средневековых рыцарей в шлемах, циклопов с одним широким глазом во все лицо, откуда на Серегу со Славкой прыгнули они же, только с перекошенными кривыми фигурками. Пожарные в шлемах и в полной амуниции

казались чудовищных размеров. Они взяли пацанов на руки, и те оказались по другую сторону ада – к школе подъезжали скорые, пожарные машины, неслись из окрестных домов родители.

Ускоренная перемотка сменилась замедленной. Хотелось спать. Перед глазами плыло. Пространство сворачивалась в тугий ком, из воздуха вокруг вытягивали воздух. Отравления дымом не случилось, но все равно, как сказал позже доктор, «нормально надышались».

– Ничего, зато в колонии будет время подумать!

Серафима Львовна в упор смотрела на Серегу и стучала, как каблучком, ручкой о стол, будто пытаюсь расколоть на нем лак, с силой, с чувством. Ее огромные ноздри дышали и, кажется, посвистывали, рассекая воздух о микроскопические волоски.

Некоторые люди, когда давят ногой неприятное насекомое, обязательно разок крутанут стопой, как бы ввинчивая хрустящий шлепок в пол. Сейчас ровно это проделывали с Сережей.

В итоге больше вех досталось отцам. И Серегину, и Славкиному. Славкин батя с ровно таким же, как у сына, сплюснутым пирожком вместо лица встретился с отцом Сереги – невысоким коренастым мужчиной. Серегин батя тоже носил большую круглую голову и несколько горошин-бородавок на лице, которые ему, строителю и начальнику, придавали веса и нужной солидности.

Он носил пиджак глубокого синего цвета, умел держать паузу, говорил правильно, размеренно и, как любой хороший начальник, имел взгляд тяжелый, понижывающий. Славкин отец носил узкие кремовые вельветовые брюки и твидовый пиджак, но потом оказалось, что модник он только вне службы, на службе он носит форму.

Комичным до неприличия в истории с пожаром в школе было то, что Серегин папа был по должности не просто строителем, а снабженцем строительными материалами нижегородских строек, а Славкин папа имел должность пожарного инспектора Главного управления пожарной охраны города.

Попались!

Один полгода возил в школу паркет. Буквально – КамАЗами. Другой ножками проштопал лестницы к десяткам кабинетов, чтобы на малолетних поджигателей не завели дело.

Отец приехал из командировки замотанный дорогой, но счастливый, как букет цветов, пахнущий холодным воздухом и духами, даже легкий винный запах только украшал его.

Мама на мгновение убрала ноги от пола, когда батя взял ее за талию и приподнял к губам, как бокал. Сережке достался смачный тычок-поцелуй, колючий от усов, будто в него ткнули ласковой щеткой.

– Нууу, мои, мои, мои! Соскучились? А я как! А я! Ну, мои-то, мои! – отец задыхался от радости. Такое случалось с ним редко, это состояние быстро проходило, наступала рутинная и хмурость. Но пока – праздник!

– Тааааак! – отец запустил руку в бурый кожаный портфель с мягкими ворсистыми ремешками, – Тебе!

И отсчет пошел... Зеленые закладки с Брюсом Ли подарены, в душе Сереги вспыхнула радость и тут же пронзила горечь, будто разгрыз гнилой орех.

Отец бросился к маме, закрыл дверь на кухню – будут целоваться и долго болтать.

Сергея остался в коридоре.

Школу сожгли вчера. Горечь, тухлятина, он скоро узнает. И мало не покажется.

Почему-то было и страшно, и страшно жалко отца – поровну.

Мать ему скажет. Тянуть не будет.

Ох!

Говорит уже сейчас. Наверное.

Вот сейчас говорит.

Вот сейчас.

Вздрыгнул так, что подпрыгнул, непроизвольно лягнул обувной шкафчик.

– Ахахаха!

– Да ты что?! Серьезно?!

– Дахахаха! – на кухне взрывались фейерверки смеха.

Ничего, подожди, подожди.

Сейчас вот.

Скоро.

И пошел в комнату, с закладками в руке, рука холодела, мокла – одна закладка намокла, картон стал мягким, податливым. Почему-то шел по коридору к себе в комнату очень-очень тихо, словно хотел исчезнуть, размыться, стать прозрачным, как будто и нет никакого Сережи на свете, и бить совершенно некого...

Ведь там, у батареи, в школе, в те минуты, Серега был такой большой, взрослый. Почему же, войдя в комнату, стоит на пороге на ножках-макаронинах, холодных, подрагивающих. Слушает, будто ухо воспалилось и набухло, превратившись в огромный локатор.

Слушает.

Вот сейчас.

Сейчас.

Мать медлить не будет...

На кухне резко затихли голоса, смех распался, исчез. Тишина.

Вдруг тишина треснула стеклом – на кухне резко повернули дверную ручку. И снова тишина. Но нет, желе спинного мозга Сережи слышало, как отец открывает дверь... И действительно, распахнутая дверь с силой ударилась о стену коридора.

В следующее мгновение гулкий быстрый стук босых ног.

И истошный крик матери:

– Миша, не надо! Не надо! Миша! Не трогай его! Он и так уже...  
Миша!

Удары тяжело падали, проламывая тонкие кости паркета. Желтый, блестящий, звонкий, он разлетался всплесками вверх и растекался по полу косточками домино.

Они рубят лед! Посмотри, послушай! Это же люди-ледоколы! Посмотри на их величественные фигуры и мощные движения! Они вздымают свои топоры! Они обрушивают их всем своим весом! Ледорубы! Титаны! Темно-оранжевые птицы с глазами-головами в густом тумане клюют последний хрупкий лед! Раз! Два! И еще! И еще! Дымящийся лед! Посмотри, посмотри, какие торосы!

Школа не сгорела, сгорела не совсем. От залежей бумаги за батареей огонь перекинулся вниз, под паркет – по всему третьему этажу под паркетом находилась просторная полость, сантиметров двадцать глубиной. Туда и пошел огонь, вгрызаясь в перекрытия. Кислорода

там мало, открытого пламени почти не было, зато сухое дерево хорошо взялось тлеть и устроило избу-курильню. Пожарные быстро оценили ситуацию и сначала пролили полы водой с пеной, а затем в считанные минуты топорами и тяжеленными ломami разломали лёд паркета по всему этажу. Работали весело, бодро, с огоньком – во имя спасения учеников и школы. С каждым ударом вколачивая Сережиного папу в немыслимые долги.

И долги – полбеды. Достать паркет в Союзе в восьмидесятых, в количествах третьего этажа средней советской школы, значит поломать голову, поискать, попросить, побегать, потеревить вышестоящее начальство. Даже опытному снабженцу. А просить начальство можно редко, и это может быть – дорого. В смысле ответных услуг.

Сережин отец справился. Шли грузовики паркета.

Черт с ним, с паркетом. Стыдно за сына.

Говорил отец.

Запомнил Сережа от того дня только счастливое лицо отца, когда он только вошел домой, радостное, чистое. Когда били, не видел уже, не смотрел.

Помнил Серега, что заорал – в голос, истошно, во всю мочь – когда еще отец бежал по длинному коридору, задолго до первого тумака.